

Обзор упоминаний о ЛГБТИСК в кыргызском СМИ

Дайджест №15

1 сентября – 31 октября, 2018 год

Обзор был произведен на следующих площадках:

Azattyk.org

Akipress.kg

Delo.kg

Kabarlar.kg

Kaktus.kg

Kloop.kg

Saat.kg (быв. Knews.kg)

Sputnik.kg

Vb.kg

Vesti.kg

24.kg

Данный сборник может содержать не чувствительную терминологию и отдельные слова, которые могут быть восприняты как оскорбительные. Мы передаем сообщения СМИ без видоизменений для объективности.

«Часто задумывался о суициде...». О жизни трансгендеров в КР

7 сентября

Azattyk.org

https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan_prava_cheloveka_transgendernost/29476578.html

Вы готовы понять и принять своего ребенка, если он окажется трансгендером? Отец, столкнувшийся с этим, рассказал, что пережил. Он предупреждает, что такой ребенок не должен оставаться один на один со своими трудностями.

Человек сам не выбирает, каким ему родиться. Какого цвета кожа у человека - на все воля Творца. Так же и люди-трансгендеры пришли на этот свет такими, какие есть. И хоть медицинская наука давно доказала это, существует много стереотипов, связанных с ними, а среди населения ощущается недостаток информации на эту тему.

Самое печальное - в Кыргызстане работники сферы медицины тоже пока не владеют полным пониманием проблем трансгендеров. В последние годы в Кыргызстане стала понемногу распространяться информация о трансгендерах. Поэтому мы надеемся, что эта статья, подготовленная при поддержке специалистов, поможет предупредить такое явление, как суицид среди представителей этого сообщества.

Максат: Я не замечал, что мой ребенок другой

- Я боюсь, что на моего сына могут напасть или со мной могут случиться неприятные события. Поэтому я прошу условно назвать меня Максатом Кайратовым. Потому что до сих пор я не говорил об этом даже с родственниками. Только из-за того, что в обществе еще не устоялось понятие о трансгендерах, наша семья вынуждена вот так защищаться...

Родилась девочка, позже и в свидетельстве о рождении пол был записан как женский. Мне даже не могло присниться, что с моим ребенком может такое случиться. Когда дочке было 12 лет, моя супруга умерла. И дочь начала меняться. Конечно, когда мать была жива, мы замечали изменения в характере ребенка.

Например, у нее были тяжелые шаги, и характер у нее был мальчишеский почему-то. Во дворе она играла с со всякими железками, на улице водилась только с мальчиками, дралась. Позже, когда умерла жена, она изменилась резко. Я думал, что это произошло из-за психологического удара от потери матери.

Однажды она спросила у меня, можно ли коротко подстричься. Я согласился. Потому что и мне, и ей было трудно каждое утро перед походом в школу причесывать ее, завязывать бантики, как это делала ее мать. Я подумал, что, возможно, дочь решила меня пожалеть и подстричься коротко. Тогда она уже училась в 7 классе. Позже, уже в 8 классе она потеряла желание ходить в школу, но причины не говорила. Я ходил в школу, говорил с учителями, вроде, никаких причин нет. Но дочь постоянно ходила нахмуренная, стала какой-то отстраненной. Я отчаялся и повел ее к психологу. Но и психолог не оказал нормальной помощи.

Вот так, до 9 класса дочь ходила в школу с трудом, постепенно стало труднее заставлять ее посещать уроки. Однажды она мне заявила, что вообще не пойдет в школу, и расплакалась. Я не мог стоять рядом просто так. Но причины она не называла. Я предположил, что ей могли угрожать девочки-хулиганки в школе, но все было нормально...

В четырех стенах...

В итоге мне пришлось принять решение о том, чтобы дочь перестала посещать школу. Но она была одной из лучших в классе. Я сильно расстроился. Мне не давало покоя, что она не получит образование. Но она научилась заниматься самостоятельно, читать дома разную литературу. Купил ей компьютер, создал условия для получения системного образования. Обеспечил ей возможность пользоваться Интернетом. Но ребенок никуда не выходила. Сама себя закрыла в четырех стенах.

«Встречайся с подругами, сходи к родственникам», - говорил я ей, но она отказывалась. Не могу уже даже уговорить ее сходить со мной куда-то. Она лишь иногда ходит в театр, но она выпала из общества. Вот так год-два она сидела дома. Была всегда хмурой. Я устал. Однажды она заявила, что хочет жить самостоятельно, снимать квартиру. Иногда выходила на прогулки по городу. Но я не согласился на то, чтобы она жила отдельно. Потому что дом у нас большой, у ребенка была своя комната. Я не понимал, почему она хочет жить отдельно.

В конце концов пришлось серьезно поговорить с ребенком. Была еще одна причина – дочь, не выходявшая за двери дома, стала возвращаться к полуночи. Пару раз я услышал запах алкоголя от нее, с тех пор потерял покой. Я начал ей твердить, чтобы она держалась подальше от плохой компании. Как-то я, она и младший сын сели поговорить. Дочь заявила тогда, что она не девочка! «Тебя кто-то изнасиловал?! Расскажи!» - требовал я. «Нет, никто меня не насиловал, мое тело мертвое», - заявила она. Как это должен понимать человек?!

«Расскажи, что это значит?!», - интересовался я. Она ответила: «Отец, если ты хочешь понять сказанное мной, ты согласен завтра пойти со мной к психотерапевту?». Что мне оставалось? Мы вместе пошли в психушку. Я даже не думал, что когда-то пойду к психотерапевту... Мы пошли и встретились с пожилой русской женщиной. Мы долго с ней сидели и вели откровенную беседу. Только тогда я понял, что проблема трансгендерности была у нас еще со времени Союза. Но из-за того, что страна была закрытой, такие проблемы не озвучивались. Оказалось, что на Западе трансгендеры выходят на акции протеста и заявляют обществу о своих правах, потому что эта проблема существует еще со времен появления человека.

Сегодня к трансгендерам относятся так же, как в давние времена, так во времена сегрегации относились к темнокожим. Я понял своего ребенка лишь после посещения опытного психотерапевта. После этого мы перешли к откровенным беседам.

Тяжелее всего – понять и принять

Оказалось, что она боролась сама с собой. «Отец, я думал, что все это – проблемы переходного возраста. Но после того, как я узнал, что это не так, хотел обидеть тебя,

хотел, чтобы ты меня возненавидел. Сколько раз я пытался это сделать?! Я искал пути обидеть вас, уйдя из дома навсегда. Часто задумывался над суицидом, но вспоминал, как тяжело было тебе после потери матери. И вынужденно останавливал себя...

Я чувствовал, что, если сам себя убью, вам будет тяжелее остальных. Если вы не вытерпите горечь и умрете, то на ком останется младший брат? Только эта мысль много раз заставляла меня отказаться от мысли о самоубийстве», - только услышав это я проанализировал поведение дочери с детства.

Оказалось, что это явление редко встречается среди людей, поэтому мы не все понимаем его. Не понимая законов природы, мы рассматриваем это как капризы молодежи. Это я рассказываю вам только начало самого трудного испытания в моей жизни...

На этом месте приостановим монолог нашего героя и обратим внимание на мнение специалиста Республиканского центра психического здоровья, врача-психиатра, работающего с подростками, **Уулкан Итикуловой**. Она опровергает предположения некоторых о том, что трансгендерами становятся из-за моды, навязанной западной культурой или под влиянием идеологической пропаганды:

Из-за того, что в нашем обществе нет широкого понимания трансгендерности, есть те, кто относится к этой проблеме негативно. Есть и те, кто считает, что это влияние западной моды. Это заблуждение. Люди-трансгендеры были и в древности, есть сегодня и будут еще. Это – проблема не сегодняшнего дня. В медицинской науке лишь с конца XX века стали обращать на это серьезное внимание. Были изучены причины. Оказалось, что этот феномен не зависит от национальности, расы, государства, наличия или отсутствия богатств. К сожалению, было установлено, что это общечеловеческая проблема.

Трансгендерность — это несовпадение гендерной идентичности человека с зарегистрированным при рождении полом. Это не надо рассматривать и с биологической точки зрения. Нельзя рассматривать это и как генетическую проблему. Правильнее подходить к этому вопросу с точки зрения психиатрии.

В странах СНГ, в том числе в Кыргызстане, ведется работа по этой проблеме. Мы сейчас находимся на уровне применения мер GSM-4. GSM-4 – не означает психическое заболевание, правильно называть это гендерной идентичностью. Мы говорим о психиатрии, поэтому некоторые читатели могут подумать, что трансгендерность является заболеванием и что таких людей надо изолировать от общества и лечить. Но это в корне неверно. Нельзя допускать таких мнений. Это обычное, простое состояние человека. Такие люди не нуждаются в лечении. Но на каком-то уровне они нуждаются в общественной поддержке. Потому что они подвержены депрессиям, стрессам. Поэтому таким людям надо помогать только медикаментозным лечением. В первую очередь, трансгендеры нуждаются в морально-психологической поддержке людей из своего ближнего круга. Это значит, что надо избегать насмешек или издевательств над ними. Важно, чтобы в первую очередь родители, братья и сестры, в общем, все родственники принимали их с пониманием, помогли в морально-психологическом плане. Потому что феномен

трансгендерности – это самое тяжелое испытание в жизни человека. Не каждый человек в состоянии противостоять ему.

В таких случаях не надо рассматривать эту проблему, как ошибку природы и обвинять мужа или жену. Не следует искать причины этого явления в семье. Неправильно и то, что родители винят себя за то, что ребенок родился таким из-за их ошибки. В то же время нельзя обвинять и самого ребенка-трансгендера. Эта проблема не вытекает из ошибок человека...

В последнее время в социальных сетях в адрес медицинских работников высказываются мнения о том, что они открыто поддерживают трансгендеров под влиянием неправительственных организаций и при финансовой помощи стран Запада.

Главврач Детской психиатрической больницы Ысык-Атинского района в селе Ивановке **Гульнара Абдиева**, тесно работающая с подростками-трансгендерами, ответила на некоторые вопросы вокруг этой темы:

– Это не проблема, распространяемая при финансовой поддержке. По этому поводу Министерство здравоохранения ведет работу с организацией «Лабрис», объединяющей сообщество трансгендеров. В медицинской науке транссексуальность – это не болезнь. Не надо лечить человека, если у него не наблюдается излишняя обеспокоенность, депрессия или другие симптомы неврологического характера. Независимо от того, с какими недостатками родился человек, Министерство здравоохранения обязано ему помогать. Трансгендеры так же, как и все остальные граждане страны, имеют все права и свободы. Они ничем не отличаются от других людей и имеют право на заботу.

Общество не должно ограничивать их свободу. Нельзя допускать, чтобы на них давили, угнетали, дискриминировали через разные призывы. Наоборот, специалист, оказывающий им поддержку, должен быть осторожным, деликатным. У нас часто бывали случаи, когда трансгендеры обращались к врачам, но они вместо того, чтобы по-особому отнестись к трансгендеру, посчитали их умалишенными или что у них галлюцинации и направляли их к психиатру. Врачи должны быть осторожными и не давать неверное направление психически здоровым людям. Трансгендерами рождаются редко, и когда такие люди начинают взрослеть, то не хотят принимать свое тело, пол, с которым родились. Они страдают из-за того, что испытывают дискомфорт среди обычных людей. Они стараются не заходить в общественные туалеты.

Ни мы, ни общество не имеем права обвинять или ненавидеть людей за то, что они родились трансгендерами - девочек, которые хотят стать мальчиками или, наоборот, мальчиков, которые хотят стать девочками. Если бог их создал такими, что они могут поделаться? Мы бессильны перед Создателем.

В продолжение этого мнения представитель сообщества **трансгендеров Темир Кубаталиев** рассказал о том, что пришлось пережить ему самому:

– Я детства ненавидел юбки, но мама постоянно заставляла меня их носить. Приходилось надевать их, но только по школьным праздникам, в остальные дни я прятал юбку туда, где

никто не мог ее найти, чтобы меня снова не заставили. Один-два раза мама сильно поругала за то, что я лезвием порезал юбку. Каждое утро я открывал глаза и мечтал стать мужчиной. Потому что во сне я всегда радовался тому, что я мужчина, мне всегда хотелось проснуться мужчиной.

Позже я стал сбегать из дома. Встречался с друзьями, начал общаться с трансгендерами, нашел то, что чувствовал с детства. Сейчас мне не так трудно, как раньше. Думаю, в каких случаях помогать тем, кто испытывает то же, что и я. Хочу продолжать проведение разъяснительной работы в обществе. Я знаю, что большинство совершивших самоубийство столкнулись с такими же трудностями, как у меня, не были поняты своими близкими, не выдержали насмешек и издевательств. Например, один из моих друзей был вынужден совершить самоубийство. Что уж говорить о других, когда он рассказал свою тайну матери, а она специально потом дала изнасиловать свою дочь одному мужчине, после чего она забеременела. Потом друг повесился. А сколько других разрушенных судеб? В обществе нас мало, таких, кто понимает...

(Продолжение следует...)

Детям-трансгендерам трудно интегрироваться в общество. Часть II

18 сентября

Azattyk.org

<https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan-transgender-society/29495850.html>

Как складывается ситуация с оказанием комплексной медицинской поддержки трансгендерам в Кыргызстане? Об этом мы говорили с главврачом Детской психиатрической больницы в селе Ивановке Ысык-Атинского района Гульнаррой Абдиевой.

– Конечно, раньше были случаи, когда врачи неправильно относились к трансгендерам. В последующие годы в результате работы с организацией «Лабрис» была поставлена на рельсы работа с врачами-специалистами, внимание которых было обращено на трансгендеров, их родителей и родственников, а также проведение разъяснительной работы. Им предоставляется помощь психологов, психиатров, психотерапевтов.

Как ранее сообщалось, трансгендеры не нуждаются в медицинской помощи, им достаточно морально-психологической поддержки, потому что они физически здоровые люди. Как правило, трансгендеры до определенного момента не понимают свою гендерную идентичность, поэтому боятся других людей и испытывают психологические страдания.

Вот как описывает свое психологическое состояние одна из подростков – трансгендеров **Жанна Нурак кызы (ранее ее звали Нурлан)**:

– Родные братья и игравшие со мной мальчики насмехались надо мной и называли девочкой. Я терпела все это. Сложнее всего было моей маме, которая произвела меня на этот свет. В семье было три старших брата, мне с самого начала хотелось быть девочкой, но в свидетельстве о рождении было написано – мальчик. Мама даже поседела, защищая меня.

В нашем доме все игрушки были для мальчиков, я плакала и буквально заставляла маму покупать мне куклы. А после того, как они поотрывали головы моим куклам и сожгли мои игрушки, я стала их ненавидеть.

Никто кроме мамы не хотел меня понимать. В итоге они с отцом развелись. Мне пришлось перевестись в другую школу, потому что в прежней школе дети насмехались надо мной, а моим братьям было стыдно за меня, и они меня часто били.

После того, как мама решила перевести меня в другую школу, испортились отношения и с отцом. «Ты сама испортила ребенка», - говорил отец и бил мать. В общем, я была между ними и не знала, что делать. Я часто говорила маме, чтобы они не ругались из-за меня, но ей часто приходилось жертвовать собой ради меня.

После того, как я жила в доме бабушки и училась, пришлось переводиться в одну из городских школ, потому что мне было сложно выдержать давление детей из старой школы...

Наша героиня **Жанна Нурак кызы** вместе с мамой обошли многих психологов и гинекологов, но они обращали внимание только на наличие у ребенка внешних половых признаков - не более.

«Они говорили только о внешних половых признаках, А кто я на самом деле, насколько мне было больно жить с этим?! Все объясняли маме: ваш ребенок самый обычный мальчик. Из-за этого между мамой и мной росло непонимание. «Сынок, прекращай капризы», - говорила мама, поверившая врачам.

В итоге мне не хотелось причинять маме боль. По ее желанию мне пришлось снова вернуться в образ мальчика, но надолго меня не хватило. После того, как я нашла друзей в Интернете и чувствовала себя среди них своей, я повела маму к ним. Она стала общаться с их родителями, маме стало легче, спокойнее. Только после того, как она с ними поговорила и познакомилась, она дала мне полную свободу. К сожалению, не все родители понимали трансгендеров, некоторым приходилось убежать из дома и расставаться с родителями.

Мама Жанны **Канымгуль** рассказывает, что очень сложно донести до общества проблемы трансгендеров. По ее словам, даже журналисты, которые являются достаточно просвещенной прослойкой общества, во время освещения темы трансгендеров пишут о них как о чем-то шокирующем. Поэтому в обществе растет негативное мнение. По ее словам, более того, религиозные деятели во главе с **Чубаком Жалиловым** через СМИ распространяют информацию о том, что трансгендеры - это чуть ли не дьяволы во плоти:

— Я удивилась, когда Чубак Жалилов говорил о том, что в Кыргызстане есть люди, которые распространяют «гнусные европейские тенденции» — союзы женщин с женщинами и мужчин с мужчинами. Дорогой, у нас нет проблемы заключения браков мужчин с мужчинами. Из-за того, что в обществе открыто не говорят о таких, по вашему мнению, опасных вещах и что они остаются в тени, сколько подростков совершает самоубийство!

Если как религиозный деятель он изучил бы, откуда пришло понятие о суициде и как его остановить, то сколько он хорошего сделал бы! Кто же хочет сам наложить на себя руки?! Мы, взрослые, толкаем подростков на совершение суицида.

Изучающие явление суицида специалисты не обращают должного внимания на проблему трансгендеров. Как мать я видела столько подростков, которые рассказывают о том, что вынуждены покинуть семьи, боятся родителей и сверстников, а некоторые идут на суицид. Конечно, это редкость, когда мальчик хочет стать девочкой и наоборот. Но даже об этих редких случаях в нашей жизни многие не знают. А если что-то такое случается, то говорят, что эти негативные явления распространяет Запад.

Это происходит не по прихоти и желанию человеческого дитя! Что делать подросткам, если им свыше предначертано быть такими, если они рождены такими? Всю жизнь испытывать такие душевные муки?!

Если его не понимают родители, одноклассники в школе или учителя, что ему остается делать, как не свести счеты с такой жизнью?! Во время обсуждения темы суицидов на «Азаттыке» говорят же, что школьник покончил жизнь самоубийством и никому ничего не сказал. Но ничего не бывает без причины. А если они хотят сказать о причине, то боятся быть осмеянными. Мы же не знаем, что этих бедных детей унижают, как насмеваются над ними, издеваются, оказывают давление, а они не выдерживают и гибнут буквально поодиночке! Если общество не обратит внимание на эту проблему, то суициды среди несовершеннолетних не прекратятся. Только если некоторые, сильные духом, такие, как моя дочь, стремятся выжить, то другие, послабее, не выживут. Но всем им приходится очень трудно. К примеру, моей дочери Жанне сейчас 21 год, ей сложно найти работу. Потому что в паспорте написано – мальчик, а внешне она ничем не отличается от девушки. Даже если она идет устраиваться на работу и выглядит как девушка, то в паспорте ведь написано, что она мужского пола.

Она не смогла и поступить в высшее учебное заведение. Моя дочь боится учиться и работать, потому что при регистрации паспорта студенты и другие могут узнать о ее половой принадлежности. Поэтому я всегда боюсь за жизнь дочери. Ведь сколько она получала от своих же ровесников за то, что похожа на девушку?!

Специалисты отмечают, что ситуация действительно сложная. Дело в том, что при замене документов в первую очередь не решался вопрос о предоставлении медицинского заключения, что также отмечали и представители трансгендерного сообщества во время нашего исследования. Многие из них не могут устроиться на работу. Вот что говорит главврач Детской психиатрической больницы Гульнара Абдиева:

– Трансгендеры, молодые люди, должны обратиться в Республиканский центр психического здоровья с заявлением и пройти врачебную консультативную комиссию. По итогам заседания комиссии и вынесения заключения о диагнозе нужно идти в ЗАГС для смены документов и получить там все соответствующие бумаги.

Только на основании этих документов трансгендеры получают право на гормональное лечение. Представитель трансгендерного сообщества может сам зарегистрировать пол и данные, то есть может понять паспорт. В этом случае будет легче устроиться на работу и поступить в высшее учебное заведение.

К сожалению, ранее информация не была широко распространена среди общественности, поэтому молодые трансгендеры испытывали трудности, но сейчас многие об этом знают через организацию «Лабрис». Несмотря на это, возможно, еще много тех, которые не знают, как к нам обратиться...

Первый наш герой - **Максат Кайратов** - рассказывает, что проблема трансгендеров касается всего человечества. По его словам, этот феномен зафиксирован и в истории ислама, но сегодня многое скрывают и не говорят об этом открыто:

– С того момента, как я узнал, что мой сын принадлежит к трансгендерам, мне пришлось поинтересоваться историей и ознакомиться с многими материалами. Я подумал, что нельзя в спешке реагировать на решение моего ребенка, в свидетельстве о рождении которого написано дочь, но стать он хочет мальчиком. Потому что некоторые по молодости могут натворить всякого. Но я сделал анализ поведения моего сына и, действительно, с самого детства он вел себя, как мальчик.

Приходившие домой родственники говорили: ваша дочь - совсем как мальчик. Мы с его покойной матерью тогда смеялись над этим. Потом сын сам стал говорить: «Каждый раз, когда вы говорили, что я мальчик, я внутри радовался. Иногда, когда вы с мамой просили меня быть более женственной, я гордился, что веду себя как мальчик».

Получается, что мой сын с самого начала, с бессознательно еще возраста чувствовал себя мальчиком. Как я могу этому противиться?! Разве смогу пойти против природы? Мы часто видим, как в вопросах воспитания превалирует эгоистичное отношение к детям. Поэтому важно уметь перешагнуть через свое эго и дать право выбора детям. В этой связи я дал своему сыну право выбрать свой путь. Потому что, будь он мальчиком или девочкой, мне все же важнее, чтобы он стал человеком и был здоров.

Одноногая девушка вошла в топ-3 конкурса "Мисс Италия" — фото

19 сентября

Sputnik.kg

<https://ru.sputnik.kg/world/20180919/1041174751/miss-italiya-uchastnica-invalidnost.html>

Итальянка отметила, что ее участие в бьюти-смотре — это "победа над предрассудками".

Девушка с инвалидностью Кьяра Борди стала одной из трех финалисток конкурса красоты "Мисс Италия", сообщает местное издание [The Local](#).

У 18-летней Кьяры одна нога, и она первая конкурсантка с инвалидностью в истории бьюти-смотра. Во время интервью девушка отметила, что ее участие в конкурсе — это "победа

над предрассудками". Сообщается, что итальянка лишилась ноги в 13 лет, когда попала под машину на своем велосипеде. Ей ампутировали ступню и часть голени, однако Борди пользуется протезом, позволяющим носить обувь на каблуках. Кстати, в этом году участие в конкурсе "Мисс Вселенная" впервые примет [девушка-трансгендер](#).

«Многие расследования СМИ зависят от готовности госорганов к диалогу»

8 октября

Azattyk.org

https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan_intervju_alexandra_lee/29526973.html

Интервью журналиста-расследователя Александры Ли, известной своими материалами о системе «Самара», преследованиях ЛГБТ в Таджикистане и финансовой пирамиде «Сатылык» опубликовал портал sheisnomad.

Поступила на журналистику на бюджетное отделение, была старостой, учеба давалась мне очень легко. После первого курса пошла в летнюю школу «Интерньюса», потом в «Клооп» и бросила учебу. Не совсем бросила — редко ходила в универ. Могла прийти и отпроситься освещать, например, митинг на площади.

Закончила университет с красным дипломом. Предметы не «разводила» — принципиально против этого.

Я еще в детстве решила, что получу два образования — журналистское и юридическое. Сделала магистратуру в юриспруденции, работать в этом направлении не стала, но в расследовательской журналистике, которой позже занялась, знания законов пригодились.

Моя первая статья была о нарушении прав психически больных, потом пошли статьи об уголовных делах, пытках и изнасилованиях.

Я очень устала работать в текстовой журналистике, редактором быть сложно, на тот момент я была одна — это работа на выходных, вечно перерабатываешь. Мне все это надоело, и я уехала в регионы проводить тренинги, а когда вернулась, узнала что радиоредактор из «Клоопа» уезжает. Я пришла и сказала: «Ребят, я остаюсь, но буду работать на радио».

После года работы радиоредактором увлеклась фотографией. Выпустила два фоторепортажа — один про тюрьму [для пожизненно заключенных](#), второй — про [балет](#). Я не люблю постановочные фотографии, нравится ловить настоящий момент.

На самом деле, когда я пришла и сказала, что хочу заниматься фото, редактор сказал мне: «Фото сейчас не актуально». А он сам фотограф.

«Сейчас все хотят смотреть видео. Давай, бери видеокамеру и иди снимать», — сказал он. Я взяла камеру и пошла снимать сюжет. Мне было не сложно к этому привыкнуть, потому что я имела представление, как это делать. Когда сняла и начала монтировать, мне помог бэкграунд с радио. Так я начала делать видео.

Я сделала видеоматериал о мужчинах в балете.

Поначалу на меня смотрели скептически, мол, приходит какая-то «15-летняя девчонка» с огромной сумкой. Вытаскивает камеру, а камера - больше нее. Мужики-операторы поначалу в шоке были, потом привыкли.

Первое расследование у меня было о заключенных, которые не могут получить досрочное освобождение, хотя имеют смертельные заболевания. Грубо говоря, им осталось жить несколько месяцев, которые по закону они могут провести с семьей и умереть дома. Но их не отпускали — потому что коррупция. А это дорого и не все могут себе позволить.

Следующее расследование было [о «Самаре»](#) на выборах президента. Мы наткнулись на видео, на котором упоминалась какая-то «Самара» в контексте выборов, начали искать, что это такое. Потом аноним скинул информацию об этом сайте нескольким изданиям, но почему-то наши СМИ не стали раскачивать эту тему. Нам стало интересно, и мы начали проверять, нашли факты.

«Самара» — система менеджмента избирателей, располагалась на сервере ГРС, на котором не может находиться сторонний ресурс, не принадлежащий государству. Один из кандидатов использовал это в своих интересах. Непонятные частные люди имели доступ к нашим личным данным на базе ГРС — это очень сильно дискредитирует всю нашу страну. Предполагаем, что в «Самаре» отмечались люди, получавшие деньги за голос. Там была система кураторов, некоторые из них - сотрудники государственных университетов.

ГРС сначала якобы провела внутреннее расследование и меньше чем за 48 часов выпустила опровержение с требованием от нас удалить все факты и извиниться. Они сказали, что подадут на нас в суд, но до сих пор не подали.

Если честно, в Кыргызстане людей не очень это удивило, никому особо и не хотелось бороться за свои права. Было обидно, потому что многие СМИ нас не поддержали. Они в это не лезли и просто спрашивали: «Что у вас там? Все нормально?».

У расследования планируются три части. Первой занималась я, Ринат Тухватшин и Марина Сколышева. Вторую часть мы с Ринатом вдвоем выпускали, а третьей пока нет.

После «Самары» было [расследование про учебники](#) — про то, что Министерство образования не проверяет учебники, на которые тратит очень много денег, миллионы сомов. Два учебника сейчас издательства должны переиздать за своей счет — там были грубые ошибки. Например, физическая формула была написана кириллицей. Непонятно, как Министерство образования, которое до этого книгу проверяло 3 раза, не заметило этого.

Или вот история с эпосом «Манас». Этот учебник тоже не вычитывали. В детском школьном учебнике для 6-7 класса были [описаны сцены секса](#).

Потом было расследование [по финансовым пирамидам](#). Мы ездили на Иссык-Куль — там очень сильно разрослась пирамида «Сатылык». Люди вкладывали бешеные деньги и потом ничего не получили. Это филиал казахской компании и, согласно данным Минюста, они осуществляют деятельность в сфере торговли. Чтобы соответствовать характеристике Минюста, они что-то выдают. Грубо говоря, ты даешь им 30 000 сомов, а они дают тебе одеяло. В подарок.

Система работает так: в каждой области есть куратор, он привлекает местных жителей, которые становятся кураторами в селах. Он местный, ему доверяют. Люди начинают вкладываться.

Еще было расследование про дома в Красном строителе — это на окраине Бишкека. Там два дома. Несколько лет назад им [отключили центральное отопление](#). На акте стоят подписи жителей, якобы они согласны. Подумайте сами, вы бы отказались от центрального отопления в пользу печки, которую нужно постоянно топить, покупать уголь — это дорого и хлопотно. Естественно, нет.

И люди не подписывали этот документ. Они пытаются вернуть себе отопление. Пока безрезультатно. Кто-то подделал документ и отключил их от отопления, потому что это нерентабельно. Позиция тех, кто отключил отопление, такая: «У них всегда перемерзали трубы, они сами попросили отключить». Медиа как-то пропустили это.

Эта история была локальной, и на самом деле люди не подумали, что это может и их коснуться. Что это за безобразие — кто-то, работающий на госорганы, подделывает документы и отключает отопление. Люди не задумываются, что завтра и им могут отключить отопление и показать бумажку с их «подписями» за то, что они согласны.

[Материал](#) про ущемление прав ЛГБТ в Таджикистане нам предложили сделать российские партнеры. Там очень тяжелая ситуация была с поиском источников потому, что неправительственные организации, работавшие с этой группой, сдавали их милиции. Мы встречались с героями, но все было анонимно, ради их безопасности.

[Писала материал по пыткам](#) — их очень много. Когда ты попадаешь в отделение — уже стоит бояться. Просто посмотреть перечень пыток, которые используют, это банально, но изобретательно. Материал [про пытки и про то, что можно сделать](#), прочитали очень много людей. То есть они или проходили через пытки или знают тех, кто проходил через них.

Очень много расследований находятся еще на стадии сбора материалов. Много зависит от готовности госорганов к диалогу и источников, но в основном от первых. Боюсь ли я? Я осознаю, что профессия опасная, но силы и уверенность мне дарят вера в справедливость и занятия айкидо. Айкидо — для меня не просто боевое искусство, но и философия.

Портал [sheisnomad](#) посвящен центральноазиатским женщинам.

Дамблдор будет геем — раскрыт секрет новых "Фантастических тварей"

10 октября

Sputnik.kg

<https://ru.sputnik.kg/world/20181010/1041479512/dambldor-gej-fantasticheskie-tvari-kino.html>

Роль Альбуса Дамблдора сыграет Джуд Лоу. В фильме "Фантастические твари: преступления Грин-де-Вальда" волшебник Альбус Дамблдор будет геем, сообщил режиссер картины Дэвид Йейтс.

По информации [Independent](#), в картине будут сцены с подтверждением нетрадиционной сексуальной ориентации мага, которого сыграет Джуд Лоу. Режиссер рассказал, что Дамблдор будет любить молодого Грин-де-Вальда, роль которого досталась Джонни Деппу. Премьера нового фильма о вселенной Гарри Поттера назначена на 5 ноября.

Умереть для всех, но не для себя. Гей, лесбиянка и трансмужчина — о том, как они решились на каминг-аут

11 октября

Kloop.kg

<https://kloop.kg/blog/2018/10/11/umeret-dlya-vseh-no-ne-dlya-sebya-gej-lesbiyanka-i-transmuzhchina-o-tom-kak-oni-reshilis-na-kaming-aut/>

В Кыргызстане не запрещено быть геем, лесбиянкой или трансгендером. Но говорить о том, что ты не такой, как большинство, все еще опасно — скорее всего, это приведет к сильному давлению общества, а то и к физическому насилию и шантажу. Журналистка «Клоопа» Айгерим Казыбаева поговорила с тремя ЛГБТ-людьми о том, как они совершили каминг-аут перед самыми важными людьми — своими родителями.

Имена героев материала изменены.

До девятого класса я особо не задумывался на эту тему, не волновался. Всегда учился хорошо, ничем не отличался от своих одноклассников, но мне было интереснее общаться с мальчиками. Я с детства проводил с ними больше времени. Задумываться о своей ориентации и о сексуальности я начал только лет в семнадцать.

Когда друзья и окружающие начали обсуждать личную жизнь, я стал чаще думать, почему мне до сих пор не понравилась ни одна девушка. Почему у меня не было никакого сексуального влечения к ним?

Я начал осознавать, что что-то не так. Я думал об этом и не мог разобраться. Но чем больше я думал, тем больше понимал, что мне нравятся именно мальчики. Для меня это было чем-то ненормальным, и я не понимал, что со мной не так. Но я точно понял, что мне не нравятся девочки. Мне стало некомфортно от того, что я осознал свои желания. Я стал очень осторожно относиться к своему влечению, потому что оно было безумно странным для меня.

Тогда у меня начался очень сложный период. Я ни с кем не общался и ничего не хотел. Думал, что делать, и с кем можно обсудить тему. Я думал, что смогу изменить то, что мне нравятся мальчики, и всячески пытался подавить в себе это чувство. Конечно, ничего не изменилось. Все чаще я начал думать, что самое лучшее для меня — это суицид.

Даже сейчас ЛГБТ не принимают, но в 2013 году это было намного сложнее. И самая большая проблема была в том, что я сам себя тоже не принимал. Я понимал, что мне здесь нет места и никто, даже включая родителей, не сможет меня понять.

Я был волонтером в одной организации, а потом узнал, что там есть психолог. Решил сходить, поделиться с ней своими проблемами. Это был первый человек, которому я смог рассказать обо всем. Я рассказал ей свои переживания, что меня все чаще посещают мысли о самоубийстве. Тогда психолог дала мне такой совет: чтобы что-то изменить, не обязательно умирать. Я могу просто попрощаться со своей прошлой жизнью, умереть для всех, но не умирать для себя. Она очень долго объясняла мне, что со мной все нормально. Это очень сильно мне помогло.

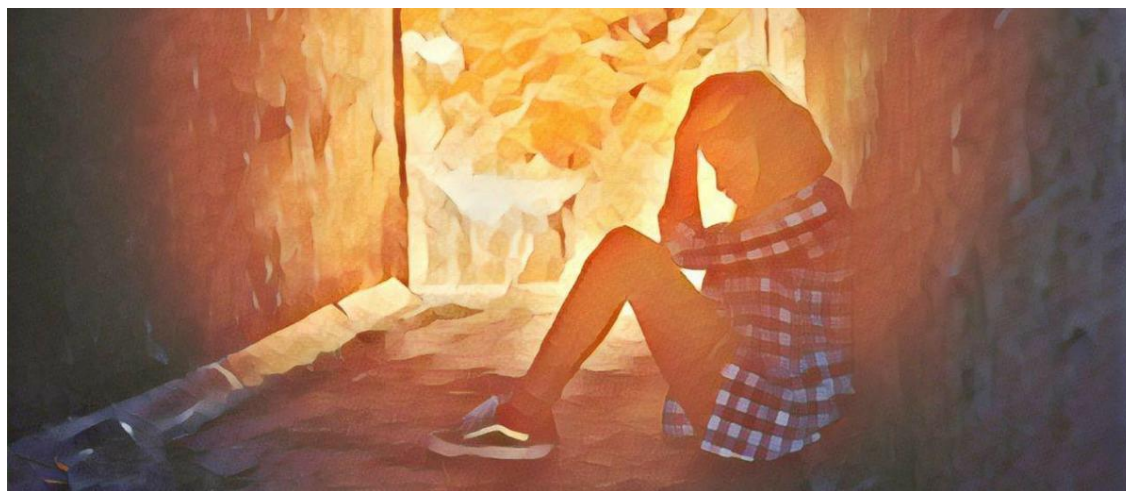
Я продолжал ходить к ней, и со временем начал себя принимать и старался изменить свою жизнь. Я стал искать возможности уехать в другую страну. Думал, что тогда все станет намного лучше. Самое главное — я перестал избегать себя. Понял, что со мной все в порядке и в моих чувствах нет ничего преступного. И я не уехал, и сейчас живу тут.

Своим родителям о своей ориентации я рассказал относительно недавно. У нас очень консервативная и религиозная семья. На самом деле, я думал, что можно им и не говорить, а если надо, то и вовсе перестать общаться. Но, подумав, я решил, что без этого не буду счастливым человеком, и решил все рассказать. Я ожидал, что их реакция будет очень негативной или бурной, но она была абсолютно спокойной.

Оказывается, они догадывались об этом, потому что я никогда не говорил им о девушках и о своей личной жизни. Сейчас все хорошо, но за этим стоят слишком много дней, когда я боролся в первую очередь с собой, чтобы не сломаться.

«Убеждала себя, что мне не могут нравиться девушки»

Аяна, 19 лет

Иллюстративное фото: Jcomr / [Freepik](#)

Я с детства смущалась девочек, которые мне нравились, но тогда я ничего не понимала. Когда я повзрослела, то стало тяжелее. Я видела, что большинство девушек встречаются с парнями, и я нигде не видела, чтобы девушки встречались с девушками. Я испытывала нежные чувства к женщинам, но не могла себе это объяснить. Даже не могла ни с кем поговорить об этом.

Однажды я спросила самую близкую подругу, которая мне нравилась, как бы она ко мне относилась, если бы я сказала ей, что у меня другая ориентация. Она ответила: «Фу, тогда бы я с тобой не общалась».

Друзья пытались найти мне пару — говорили, что я нравлюсь парням. А я смотрела и думала, что они парни как парни — я ничего к ним не чувствовала. Несмотря на это, я пробовала с ними встречаться, ведь все вокруг так делали. Когда отношения доходили до поцелуев или объятий, я так сильно мучилась, потому что насильно пыталась что-то почувствовать. Это было омерзительно.

У меня были мысли: «Так и должно быть, я же должна что-то чувствовать». Меня кто-то трогал, целовал, а я заставляла себя это терпеть и пыталась внутренне себя пересилить. Убеждала себя, что мне не могут нравиться девушки. У меня началась внутренняя гомофобия, я саму себя не принимала. Это тяжелее всего.

Самое неприятное было, когда мама начинала разговаривать со мной о замужестве. Она любила обсуждать эту тему, даже заранее распланировала, когда я выйду замуж и во сколько лет рожу детей. Это происходило так часто, что я даже свыклась. Я стала думать, что после учебы обязательно уеду из Кыргызстана, потому что здесь я чувствовала себя невероятно одинокой.

Это как гетеросексуальному человеку быть в стране, где живут только ЛГБТ. Разумеется, ты будешь чувствовать себя очень одиноким и несчастным. Я изучила все, что связано с сексуальностью и ориентацией. Поняла, что это нормально, но это не помогло мне полностью принять себя и чувствовать себя свободно. Это гложило меня, я бесконечное количество раз представляла, как совершаю каминг-аут для мамы.

Иногда мы вместе ели, я думала об этом, а она спрашивала, как мои дела. Я начинала плакать, уходила в уборную, а потом возвращалась и начинала смеяться. Мама спрашивала, все ли у меня нормально, а я даже в глаза ей не могла посмотреть. Потом она продолжала говорить о замужестве, а я уже начинала ненавидеть такие разговоры. От одного слова «семья» мне становилось плохо. Может, я просто хочу встретить прекрасную девушку и быть счастливой. Я не знала, как мне поделиться этим с мамой, которая об этом даже не догадывалась.

Я решила отложить этот разговор на несколько лет. Думала, что закончу учебу, уеду и потом поговорю, когда ко мне будут относиться серьезнее. Но я просто не смогла больше держать это в себе, потому что для всех это что-то аморальное. А мама — самый близкий человек, которому хочется рассказать обо всех своих переживаниях. Я готовилась рассказать ей об этом около двух недель — все это время я мучилась и не могла ни спать, ни есть.

Однажды мы гуляли, и я предложила ей присесть. Сели, а у меня словно ком в горле застрял. Я не могла выдать из себя ни звука. Казалось, что вся вселенная сжалась внутри меня, и если я сделаю вздох, то все взорвется. Я заплакала. Мама обняла меня и спросила: «Доча, что ты хочешь мне рассказать? Ты что-то употребляешь?» Мне стало только хуже, и я сказала ей: «Мам, у меня другая ориентация».

Мы замолчали и она начала смотреть в другую сторону. Я же начала ей все рассказывать и не могла остановиться. Мама обняла меня еще раз, потом отпустила, отошла в сторону и

сказала, что мы идем домой. Сейчас у нас с мамой нормальные отношения, мы общаемся. Но эту тему мы с ней больше не обсуждаем.

«Я думал, что такой человек как я, не должен существовать в этом мире»

Калыс, 29 лет

Иллюстрация: katemangostar / [Freepik](#)

Я был женщиной-лесбиянкой, но потом стал трансгендерным мужчиной. Когда мне было шесть лет, моя сестра познакомила меня со своими подругами. Она сказала, что я её сестренка и назвала меня моим женским именем. А я им сказал, что я мальчик и меня зовут Саша.

Когда я учился за границей (это было не в Европе), то впервые задумался о том, кто я и чего я хочу. У меня есть религиозная мусульманская семья, как и у большинства людей в Кыргызстане. С детства мне говорили, что я должен поступить в университет, получить образование, выйти замуж, завести семью. И я верил, что моя жизнь будет счастливой только в таком случае. Но постепенно я стал ощущать, что у меня другие интересы, другие мысли.

Я был настолько подавлен патриархальностью, что даже к своим мыслям не имел права прислушиваться. Я был таким же человеком, как и все в обществе, с такими же стереотипами. Ведь наши мысли — это отражение того, что мы видим вокруг себя. Я думал, что такие как я, не достойны верить в Бога, я сам о себе так думал, несмотря на то, что я себя принял.

Люди, которые не являются ЛГБТ, видят только одну сторону, они могут осуждать по каким-то стереотипам, с легкостью могут обижать людей и даже применять к ним насилие. Они говорят, что нас надо убить, сжечь. Я, зная, как люди относятся к таким как я, говорил то же самое, и у меня появилась ненависть по отношению к себе. Я пытался себя убить, потому что думал, что такой человек, как я, не должен существовать в этом мире.

Я не принимал себя где-то два-три года. Я смотрел на трансгендеров и смеялся. Шутил, мог издеваться, говорить, что они несуразно выглядят. Я делал это от незнания. Когда я узнал, с какими проблемами они живут и какие это люди на самом деле, слово «трансгендер» стало для меня не просто словом, а словом, за которым стоят люди.

Позже я начал думать о том, чего я всегда хотел. Например, в детстве, когда я смотрел фильмы про переселение душ, я всегда хотел оказаться в теле мужчины. А когда у меня начала расти грудь, я пытался ее оторвать и хотел, чтобы у меня её не было. Так прошел год. У меня было очень подавленное состояние. Я думал о всех вызовах, которые передо мной стоят, которые мне нужно преодолеть. Размышлял, хватит ли у меня сил на это.

В таких раздумьях прошел еще один год. Я окончательно решился сделать операцию по смене пола. Но, к несчастью, заболел гепатитом А, и мне пришлось лечь в больницу. Тогда же я решил рассказать обо всем маме. Думал, она меня пожалеет. В очередной раз, когда мама пришла меня навестить, я рассказал ей о том, что хочу сменить пол. Помню, как она ответила: «Я не хочу даже слышать об этом».

Тогда я решил, что буду разговаривать с ней об этом каждый день, буду рассказывать ей больше и не стану оставлять эту тему. Потом мы снова поговорили. Я сказал ей, что не изменю своего решения, но она все равно меня не поддержала. И вновь я начинал ей об этом напоминать.

Я вылечился и вышел из больницы. Однажды я позвонил маме и сказал, что хочу заехать к ней, и что со мной будет моя девушка. Она мне ответила, что, мол, ты опять за свое. Из-за этого мы с ней сильно поругались. Она сказала, что не сможет этого принять. Тогда я спросил её, хочет ли она поддерживать связь со мной, а она не отвечала. Я спросил её дважды, а она бросила трубку. Тогда я подумал, что, наверное, она не хочет со мной общаться.

Несмотря на разговор, я заехал домой, оставил какие-то вещи и продукты. Она попыталась со мной заговорить, предложила чай, но я просто проигнорировал это и уехал. Спустя некоторое время она мне позвонила. Первое, что я услышал в трубке: «Какое имя ты себе выбираешь?»

Тогда я понял, что между нами есть связь. После этого она приезжала на мероприятия, посвященные международному дню каминг-аута. Была первой мамой транс-мужчины, которая публично об этом говорила. Потом к ней начали обращаться другие транс-люди, чтобы она поговорила с их родителями. Она начала их консультировать, звонила, переписывалась с ними. Сейчас она активистка, может в комментариях в фейсбуке за меня ругаться, и мы очень сблизились. Она знает о том, чем я занимаюсь, знает о моих проблемах, и тоже переживает их вместе со мной.

В Азии впервые легализуют гей-браки

17 октября

Delo.kg

<https://delo.kg/v-azii-vpervye-legalizuyut-gej-braki/>

Таиланд может стать первой в Азии страной, где будут юридически признаны однополые браки. Законопроект будет подготовлен и представлен до конца этого года. Таиландцы, сообщает «Лента.ру», уже готовы к нововведению: в 2015 году в силу вступил закон,

запрещающий дискриминацию членов ЛГБТ-сообщества в компаниях. Нарушение карается штрафом или тюремным сроком. Кроме того, в 2017 году страховая компания Krungthai-AXA LifeInsurance включила людей нетрадиционной сексуальной ориентации в список бенефициаров.

Согласно данным доклада Всемирного банка «Об экономической вовлечённости членов ЛГБТ-сообщества Таиланда», более одной трети опрошенных заявили, что дискриминация гомосексуалов на рабочих местах в ряде случаев считается приемлемой. Около половины опрошенных таиландцев нетрадиционной сексуальной ориентации рассказали, что готовятся столкнуться с трудностями, когда пользуются государственными услугами. В документе также говорится, что род деятельности ЛГБТ-представителей часто ограничивается индустрией развлечений, а устроиться на работу в правительственные органы, финансовые или медицинские учреждения довольно сложно.

Новый закон, как отмечается, не решит всех проблем: гомосексуальным парам всё ещё будет запрещено усыновлять детей. Если закон вступит в силу, страна опередит Тайвань и станет первой в Азии, разрешившей гей-браки. В мае 2017 года Тайваньский конституционный суд постановил, что однополые пары имеют право вступать в брак. Решением суда власти обязаны в течение двух лет принять соответствующий закон.

Анжела Дэвис – о «мерзком капитализме», Трампе и ЛГБТ (видео)

16 октября

Azattyk.org

<https://rus.azattyk.org/a/29547905.html>

В Вашингтон приехала Анджела Дэвис, икона правозащитного движения 60-70 годов XX века. Она высказала свое мнение о президенте Трампе, его встрече с рэпером Канье Уэстом, заявила, что сейчас ситуация в США "лучше, чем в прошлом" и призвала избавляться от гендерной бинарности и "мерзкого капитализма".

«Меня отдали, как товар». Истории чеченских лесбиянок

21 октября

Azattyk.org

<https://rus.azattyk.org/a/29555327.html>

По данным Российской ЛГБТ-сети, с апреля 2017 года, когда благодаря публикации "[Новой газеты](#)" стало известно о массовом преследовании геев в Чечне, только через "Сеть" более 130 человек уехали из республики, из них 112 покинули Россию. Большинство ЛГБТ-беженцев – гомо- и бисексуальные мужчины, охота на которых [не прекращается](#) до сих пор, но есть среди них и гомо/бисексуальные девушки. Радио Свобода поговорило с тремя чеченскими лесбиянками, которым повезло – они смогли уехать: Ольгой, Мариной и Ликой.

По словам девушек, лесбиянкам в Чечне приходится гораздо сложнее, чем геям: если молодой человек потенциально может уехать в большой город учиться или работать, судьба девушки целиком находится в руках ее родных, а отступления от правил могут закончиться фатально. Впрочем, если раньше репутация девушки была делом семьи, то сегодня охотой на лесбиянок, как и на геев, занимаются чеченские правоохранительные органы. По словам Марины и Лики, одну из знакомых девушек задержали по подозрению в том, что она лесбиянка, в отделе полиции ее били, пытали током, а потом изнасиловали и передали родственникам. Истории собеседниц РС демонстрируют, что синкретизм ислама, средневековых обычаев и советской этики делает невозможной не только жизнь лесбиянок – женщин вообще. Так, знакомую Лики и Марины всего лишь насильно выдали замуж, хотя, по словам девушек, могли и убить – "убийства чести" расследуются неохотно, преступники получают минимальные сроки. Общество здесь едино с властью: "Наоборот, жалеют ту семью, которая убила. Как им трудно пришлось, какая же тварь, им столько травмы наделала, что им пришлось ее резать, все дела. То есть семью опозорила, сдохла, но все равно пятно оставила", – говорит Марина. По словам девушек, если в 1990-е женщинам нередко по старинке резали горло, то сегодня предпочитают отравления.

Все три девушки – из обычных семей, не богатых, но и не бедных; религиозных, но не отличающихся от многих других семей, их истории для Чечни банальны. Сегодня они рады своей новой жизни, учат необходимые языки и уже распланировали ближайшее будущее: одна хочет пойти работать в полицию, вторая – стать правозащитницей, а третья – заниматься музыкой. Ни одна, впрочем, до сих пор не находится в безопасности: если родные узнают об их местонахождении, велика вероятность банального похищения, как уже это случилось ранее с Ольгой. Для обеспечения безопасности женщин Радио Свобода не публикует их настоящие имена, места рождения и настоящего пребывания.

Смотрины

"Я с детства знала, кто я, но я только лет в 19 узнала, что есть еще такие люди [в Чечне], до этого я думала, что это какая-то болезнь", – рассказывает Ольга. Она живет в эру интернета, информации о гомосексуальности нашла достаточно, но все же "не могла себя принять". "Я много читала про гомосексуализм в исламе – грех это или не грех, но ничего дельного не находила. Мне ничего не оставалось, я понимала, что не тянет меня, плохо мне, нет никакого интереса встречаться с парнями. В 19 лет я приняла себя такой, какая я есть". В большой чеченской семье Ольгу считали тихоней – она не особо любила общаться со сверстницами, поговорить о своей ориентации ей было не с кем. В 19 лет она вышла на группу в соцсети, где общаются чеченские ЛГБТ, с одной из девушек у нее завязались отношения.

Ольга предполагает, что ее брат, который работает военным и, возможно, был причастен к преследованиям геев в Чечне, узнал о ее романе, но огласка могла создать ему проблемы на работе, поэтому он решил выдать Ольгу замуж. Рассказы девушек во многом повторяются, в частности, все они прошли через насильственное замужество. По их словам, родные заранее начинают подбирать хорошую семью, куда можно сбыть невесту: обсуждается тейп, репутация, связи, доход. Занимаются этим матери, которые советуются иногда со своими старшими сестрами и прочими авторитетными родственниками. Мнение девушки не учитывается. До какого-то момента всем трем собеседницам РС удавалось под разными

предлогами увилить от замужества: молодой человек не понравился, надо в институт поступить. Впрочем, Марину в итоге выдали замуж в 16, Ольгу и Лику – в 20.

Когда на горизонте появляется подходящая семья, девушку уговаривают сходить "на свидание" с претендентом: будущая невеста стоит на улице возле своего дома на некотором расстоянии от жениха (который во всех трех случаях был на 7–12 лет старше). "Она должна быть скромная, парень ее оценивает внешне, потом спрашивает: как ты относишься к домашним делам? Ты умеешь готовить? Тыкву варить умеешь правильно? Сколько воды туда наливаешь обычно? Торты делаешь? Нет? Ну, научим", – рассказывает о своем свидании Лика. Часто молодой человек приезжает не один, а с другом или родственником, иногда с двумя. Они тоже могут подключаться к собеседованию и давать оценки. Встречи Лику со своим будущим мужем длились по часу. Жених Ольги забежал к ней на 10 минут – она ему понравилась, он сразу прислал сватов. Брак не предполагает посещение ЗАГСа – только муллы. Огромное внимание при подготовке к свадьбе уделяется покупке приданого: независимо от достатка, чеченские семьи соревнуются в том, "у кого больше чемоданов, у кого подороже шуба, у кого дороже драгоценности, у кого круче трусы". Мнение самих девушек учитывается, только если оно совпадает с родительским: всем троим для семейной жизни закупили традиционные чеченские платья в пол и по "чемодану платков".

Муж Ольги употреблял наркотики, избивал ее: "У него постоянно какие-то таблетки были, после них он сумасшедшим становился. Он мог начать какую-то ссору просто так. Даже за то, что я просто дышу. Не знаю, что это было. Я несколько раз уходила домой, потому что он бил меня, но меня возвращали снова", – рассказывает Ольга. По чеченским обычаям, если жена уходит от мужа, она может провести какое-то время в родительском доме, но рано или поздно за ней приезжают родственники мужа – просить вернуть ее. Девушек обычно возвращают. "Мама не хотела, чтобы я разводилась, потому что у нас как принято: если ты разведенная, то это позор. Но она тоже ничего не решает, все решают мужчины". Брат Ольги находил общий язык с ее мужем, но через несколько месяцев все же по телефону рассорился с ним и позволил ей остаться дома, то есть развестись. "Потом был ад", – говорит Ольга.

Как рассказывают Ольга, Марина и Лика, "разведенка" в чеченской семье – это низшая каста: девушкам запрещали выходить одним из дома, отбирали телефоны, заставляли надевать хиджаб: "Даже если ты себя очень хорошо ведешь, все равно смотрят на тебя как на шлюху. Ты, типа, девственности лишилась и поэтому в любой момент можешь раздвинуть ноги", – говорит Лика. Мужчинам из "уважаемых" семей жениться на "разведенках" не к лицу, но и сама девушка выбрать себе мужа не может: как так – сама нашла? Ольге повезло: она познакомилась в соцсети с чеченцем-геем, он предложил ей оформить фиктивный брак, а ее родные были рады отделаться от нее. Уже после свадьбы "мой брат, по ходу, про него тоже узнал. После этого начался совсем ад. Мы с ним хотели уехать, сделали туристическую визу". Родные Ольги пытались вернуть ее в семью, удерживали силой, но формально у них не было повода не отдать девушку мужу. Получив визы, они разными путями поехали в одну из европейских стран. Ольга ехала на машине с незнакомыми чеченцами – такие "такси" давно курсируют между Чечней и европейскими городами, часть перевозит пассажиров с визами и паспортами, некоторые могут вывезти людей нелегально – за [2500 евро с носа](#).

Брат Ольги, очевидно, имел доступ к базе ФСБ по пересечению границы, Ольгу выследили, и в одном из немецких городов к машине подошел ее дядя: она провела у него дома следующие 8 месяцев – без связи с внешним миром. Поначалу ее запирали, но потом перестали, впрочем, бежать ей было некуда: без знания какого-либо иностранного языка и мобильного телефона Ольга не решалась обратиться за помощью. У родных была проблема: Ольгу нужно было любым путем вернуть на родину, но ее туристическая виза истекла, а лишние вопросы на границе были нежелательны. Тогда они обратились в российское консульство в Бонне, где за взятку сделали свидетельство на возвращение в Россию. По закону гражданин, потерявший за границей паспорт, обязан обратиться за таким свидетельством лично – Ольга утверждает, что ни в какое консульство не ездила.

Дома Ольгу посадили под домашний арест, другой родственник узнал, что она лесбиянка, и ударил ее коленом в живот, так что, судя по описаниям, удар привел к повреждению кишечника и развитию перитонита. Инциденты с избиением со стороны братьев повторялись, она несколько раз лежала в больнице. Семья хотела вернуть Ольгу первому мужу, но второй отказывался давать развод. Более того, он вернулся на родину и забрал Ольгу от родителей, снял квартиру, где они жили какое-то время вместе. "Брат постоянно приходил. Он ругался с его братом [фиктивного мужа]. Они чуть не подрались", – рассказывает Ольга. Ее фиктивный муж через какое-то время вернулся в Европу, а Ольга вышла на правозащитников, которые помогли ей уехать из России.

Венец вместо уроков

В то время я сама подумала: если выйду замуж, может, мне это поможет перестать быть лесбиянкой

Марину с детства заставляли совершать намаз, носить платок, быть примерной дочерью и мусульманкой. "Эти мысли, что я лесбиянка, я сама пыталась убрать их из головы, потому что в то время в Чечне вообще про лесбиянство речи не было. Интернет был, но я тогда не встречала "темных" ("тема" – сленг еще советского времени, обозначает принадлежность к ЛГБТ-сообществу. – Прим. РС), я не знала, что в Чечне есть другие геи и лесбиянки. Я считала, что это не нормально, боролась с этим", – говорит Марина.

Марину выдали замуж в 16 лет, не дав окончить школу. Тоже: свидание – свадебный салон – свадьба. "В то время я сама подумала: если выйду замуж, может, мне это поможет [перестать быть лесбиянкой], раз у меня больше выбора нету. Но это не помогло, тем более после того, как муж начал меня бить". Муж, боксер, оказался ревнивцем: устраивал скандалы из-за волос, выбившихся из-под платка, из-за того, что Марина посмотрела на кого-то на улице. Через несколько месяцев он отправил девушку в такой нокаут, что у нее до сих пор "хрустит" челюсть. Это послужило легитимным основанием для развода: "Мои родные не могли ничего сказать, потому что все было налицо".

Скоро выяснилось, что Марина променяла шило на мыло: дома она тоже жила взаперти, без телефона и доступа в интернет, только бил ее не муж, а брат и не надо было ни с кем заниматься сексом. В школу ее обратно не пустили. "Если бы не мама, я бы тут не сидела, – говорит Марина. – Она меня много раз спасала. Последний раз мы с братом очень сильно поругались, он меня прямо на улице ногами избил. Положил и ногами по голове. Тоже мама меня спасла".

Единственная возможность исхода из домашнего рабства – новое замужество. Марина уговорила брата разрешить ей пользоваться его компьютером – хотя бы в игры играть, чтобы не умереть от скуки. В соцсетях она познакомилась с другими чеченскими геями и лесбиянками, здесь же нашла и свою сегодняшнюю девушку – Лику, с которой они вместе дают интервью. Марине тоже повезло найти в соцсети чеченца-гомосексуала, но потребовалось время, чтобы уговорить сначала маму, а потом брата согласиться на этот брак – и то только после того, как навели справки про семью Маринино жениха. Она переехала к новому мужу и его матери, а потом предложила ему спасти и свою девушку Лику, взяв ее второй женой.

Полезная дочь

Родители Лики были хоть и религиозны, но долго жили "в России", поэтому в скандалах из-за одежды и вообще внешнего вида ей до какого-то времени удавалось отстаивать право на выбор. Отец девочки часто занимал ее сторону, с ним отношения были лучше, чем с авторитарной и религиозной матерью. При этом, с одной стороны, пользоваться косметикой и носить "облегающее" запрещалось (впрочем, Лика предпочитала "пацанскую одежду", поэтому с этим проблем не возникало), с другой – родителей "напрягало", что Лика не проявляет интереса к мужскому полу.

Я была уверена, что меня уважают, мной гордятся, что они не посмеют, что такую дочь им не найти

"Я до подросткового возраста знала, что меня к девочкам влечет, – говорит Лика. – Я плохо к этому относилась. Я чувствовала себя каким-то уродом, с изъяном, который надо исправить. К мужскому полу что-то чувствовать я не смогла. Пыталась замутить, но я все равно ни хрена не чувствовала. Никакой тяги, эмоций. Я оставила это на фиг". Когда девушке исполнилось 18 лет, мать серьезно взялась за вопрос замужества. Лика понимала, к чему все идет и... "старалась быть хорошей для семьи, ни на что не тратилась: ни кинотеатры, ни подружки, ни хрена. Учеба, библиотека, домашние обязанности". "Я побаивалась, старалась меньше краситься, меньше чтобы внимания было, старалась матери угодить, чтобы она нож мне в спину не поставила, – вспоминает Лика. – Старалась показать ей, что я хороший ребенок, не теряй меня, не делай этого. Я ей говорила: я хочу учиться, я хочу работать, я буду полезной для семьи" – и поступила в выбранный мамой институт. "Я была уверена, что меня уважают, мной гордятся, что они не посмеют, что такую дочь им не найти. Им реально завидовали другие семьи: ваша дочь такая серьезная, такая умница, не такая, как наша".

Подобная реклама только играла на руку родным, девушкой заинтересовались представители некой "авторитетной" семьи. Лика случайно услышала, как мама обсуждает на кухне с родственницами ее предстоящее замужество: те советовали не упускать такой шанс. После было несколько свиданий с расспросами про торты и варенье тыквы, а через месяц – свадьба. Когда Лика рассказывает об этом, в ее голосе слышится обида. "Мать предала? – "Есть такое. Сейчас я не обижена, но раньше у меня была ненависть, презрение, – говорит она. – Меня реально как товар отдали. Моя мать меня отдала. И с отцом те отношения, которые были хорошие, они погасли, потому что он просто стоял в стороне".

"Я сломалась"

Институт Лике пришлось бросить: муж был недоволен, да и времени не было, приходилось заниматься хозяйством и привечать гостей, которые в течение месяца приходили поздравлять молодоженов: "Вся моя жизнь была: гости-уборка, гости-уборка", – говорит Лика. Мужа она при этом первый месяц почти не видела: он лишил ее девственности, а потом все больше "гулял с друзьями". Впрочем, Лике это было выгодно, более того, она сама проявляла инициативу и приглашала родственников мужа, была рада, если они засидятся подольше, а муж вернется попозже, ведь тогда не надо заниматься с ним сексом. Надежды на избавление не было: "Мать говорит: "Если ты что-нибудь выкинешь, если твой муж или его родственники скажут, что ты слово им сказала лишнее, я приду туда и тебя побью". Родные мужа, по словам девушек, – отдельная история: вступаая в новую семью, нужно быть готовой на любые провокации и "проверки терпения".

Терпи. Роди ребенка. У тебя сейчас в душе пустота, родишь – все у вас будет нормально

"После первой ночи я начала сходить с ума", – говорит Лика. Обычно умеющая сдерживать свои эмоции, она начала плакать. Мылась в ванной часами, запиралась там и рыдала. "Я сломалась. Я была просто как кукла, которой пользуются, у которой нет выбора". Лика начала пить успокоительные, "старалась не думать о плохом, что меня трахают против воли, что это у всех так", "отвлекалась уборкой", но муж в какой-то момент заметил, что она его избегает, и поставил вопрос ребром: или она будет жить с ним половой жизнью, или ей не поздоровится. "Он начал меня доставать в бытовухе. Типа, это ты не сделала, то не сделала. Первое время у него не получалось [вывести меня из себя], потом уже я не могла себя сдерживать и при нем начинала плакать. И когда он этого добивался, он шел гулять с друзьями". Ссоры в какой-то момент перешли в избиения, Лика жаловалась матери, но у той был один ответ: "Терпи. Роди ребенка. У тебя сейчас в душе пустота, родишь – все у вас будет нормально".

Лика начала болеть. У нее была депрессия, она похудела до состояния анорексии, начались приступы тахикардии. Родные принялись водить ее по врачам, она принимала массу лекарств и всем пыталась объяснить, что ей просто нужно вернуться домой. Мать в какой-то момент согласилась, но потребовала формальный повод. Развод случился лишь после того, как Лика хитростью вырвала у мужа признание в том, что он изменял ей.

Изгнание джинна

Уложил на кушетку, закрыл рукой рот, а другой рукой стал совать в нос зажженную свернутую бумажку

Вернувшись домой, Лика немного оклемалась и вернулась к учебе, впрочем, положение разведенной женщины все равно подразумевало полный контроль со стороны родных. "Одежда – с одобрения матери, уже не получалось ничего отстаивать. Несколько раз она меня била: почему ты волосы распустила, хочешь меня опозорить?" У Лики снова началась депрессия, она забросила институт, вместо занятий встречалась с подругами, а в какой-то момент просто не смогла встать с кровати: "У меня саморазрушение началось, мне хотелось просто лечь и сдохнуть". Снова врачи, антидепрессанты, снова Лике подняли на ноги – институт надо заканчивать! После неудачной попытки суицида от Лики на время отстали, но потом прессинг начался снова.

На пятом курсе Лика объявила родным, что не закончит вуз, потому что ничего не делала последние годы: "Мне было настолько плевать, что меня возьмут и убьют... Я не знаю, я уже хотела, чтобы меня убили, чтобы закончилось это все говно", – говорит она. Дойдя до крайней степени отчаяния, Лика, по ее словам, "обрела свободу духа, свободу мысли": начала перечить родным, ругаться, говорить им, что о них думает. "Даже отцу нагрубила". Вера в медицину была подорвана, но родственники посоветовали сводить девочку к мулле, чтобы изгнал из нее джинна.

У муллы с Ликой случилась "истерика, я не могла себя сдерживать, мне просто хотелось всех обзывать, всех крыть. Я была очень злая, обиженная, хотелось все послать к черту", – вспоминает девушка. Мулла уложил Лику на кушетку, закрыл ей рукой рот, а другой рукой стал совать в нос зажженную свернутую бумажку с написанными на ней молитвами. Родные Лики стояли рядом, наблюдая, как она кричит, плачет, пытаясь вырваться от сидящего на ней сверху мужчины. К мулле Лику водили несколько раз, но лечение не дало результатов, тогда нашли другого муллу, "более жесткого".

Корпулентный пожилой мулла сел ей на живот и начал душить: "Назови свое имя, назови свое имя"

"Там был полный треш", – рассказывает девушка. Ее закутали в одеяло, на глаза надели повязку, а на уши наушники, в которых орала аяты, корпулентный пожилой мулла сел ей на живот и начал душить: "Назови свое имя, назови свое имя". Я кричу: "Оставьте меня в покое, мне больно", я говорю отцу: "Хотя бы ты это останови!" И мулла говорит: "Это не она говорит, это джинн, демон в ней сидит очень сильный, не отпускает эту девочку, мучает ее". Потом он начал сверлить мне уши какой-то пластмассовой штучкой, там кожа содралась и кровь потекла. Я просто лежала и плакала, потому что мне было больно. Потом по ногам бил, по рукам, но это не так было больно по сравнению с ушами и с тем, что он меня душил. Я уже задыхалась, я сказала: "Тебе нужно имя? Вот тебе имя – Герман. Все? Закончили?" Я уже просто плакала, кричала: "Имя – Герман! Все? Закончили?" – "Выйди, Герман, выйди. И в конце он [мулла]: "Ты вышел? Ты вышел? – Мое имя назвал. – Ты меня слышишь?" Я говорю: "Да, это я, все, я больше ничего не чувствую".

К жесткому мулле нужно было вернуться на повторный прием через месяц, но, по словам Лики, у ее отца "дрогнуло сердце" и больше ее никуда не водили.

Вторая фиктивная

Когда Лика перестала ходить в институт, у нее не было больше предлога покинуть дом. Телефон у нее отобрали – остались одни домашние обязанности. Впрочем, одна из подруг передала ей телефон, которым она пользовалась тайком от родных. Так она познакомилась с Мариной и "другими темными девочками".

Когда новый "муж" Марины согласился взять второй женой Лику, организовать это было не так-то просто. Несмотря на нормы ислама, в Чечне на многоженство многие смотрят с учетом советского воспитания: родные Лики, Марины и их "мужа" ничего не знают о реальном положении дел. Впрочем, Ликины родители выдавать ее наотрез отказались: про семью жениха ничего не знали, а дочери своей не доверяли. Марине и ее "мужу" пришлось Лику... похитить.

У родных "начались паники", отец кричал в трубку, что убьет ее

Похищение невесты – одна из немногих пагубных традиций, с которыми современные чеченские власти борются всерьез: глава республики Рамзан Кадыров запретил похищать невест еще в 2010 году. Нарушителей ждет тюремное заключение или штраф, наказывают также и муллу, который согласится оформить такой брак. В день "похищения" Лика взяла документы и припасенные деньги и уже из машины позвонила матери, сказав, что вышла замуж. У родных "начались паники", отец кричал в трубку, что убьет ее. Какое-то время потребовалось, чтобы найти сговорчивого муллу, родных удалось уломать: мол, Лика на самом деле взялась за ум, а может, джинн оставил ее и она теперь хочет "нормальную" семью и детей.

Все трое какое-то время жили вместе – снимали 2-комнатную квартиру, "муж" работал, "жены" сидели дома и старались если выходить, то по отдельности: по словам девушек: если бы соседи донесли, что в квартире проживает такое трио, у них могли бы возникнуть проблемы. Опасно вообще было оставаться в России: в республике тогда уже полным ходом шли преследования геев и лесбиянок, у которых отбирали телефоны, проверяя контакты и переписку, под пытками выбивали имена друзей и подруг. Через какое-то время все трое с помощью правозащитников выехали из страны.

[Сергей Хазов-Кассиа](#)

Айжан Асемова о самой ужасной любви в ее жизни, ЛГБТ, феминизме и Зере

29 октября

Kaktus.media

https://kaktus.media/doc/381777_ayjan_aseмова_o_samoy_yjasnoy_lubvi_v_ee_jizni_lgbt_feminiзме_i_zere.html

В прошедшую пятницу, 26 октября, в ТЦ Dordoï Plaza в рамках проекта Bishkeking состоялась встреча известной кыргызстанской блогерши Айжан Асемовой со своими поклонниками, на которой любой желающий мог задать ей вопрос. В течение часа девушка честно отвечала на самые провокационные вопросы о личной жизни, блогерстве и саморазвитии. Корреспондент Kaktus.media тоже побывала на этой встрече и записала самые интересные ответы.

О личной жизни

- Какой вы были в детстве?

- Я была оторвой. По рассказам мамы, я была совершенно без комплексов и делала все, что хотела. Однажды я подняла маме на базаре юбку, потому что хотела посмотреть, какого цвета у нее трусы. А еще в четыре года я подошла в маршрутке к мужичку и начала с ним базарить. Извините за "базарить", но наш разговор можно назвать только так.

Также я могла подойти к незнакомой женщине и сказать: "У тебя красивое кольцо, дай поносить". Примерно такой я была в детстве. Мама переживала, что я вырасту и останусь такой же.

Можете рассказать о своей первой любви?

- Я не особо люблю говорить о своей личной жизни, но единственное, что могу сказать – моя первая любовь была самой ужасной любовью в моей жизни.

- Вы ревнивая?

- Ревность – это нехорошо. Можно ревновать в меру, но ограничивать человека в свободе или каких-то своих действиях – это пагубно.

- Как вы отшиваете неадекватных парней?

- Благо сейчас их стало гораздо меньше, чем раньше. Когда я стала популярной в Instagram, за мной следили, поджидали возле подъезда, и это было реально страшно. Но в таких случаях я сохраняю спокойствие, потому что не знаю, сколько адекватных человек стоит рядом со мной, и очень вежливо прошу: "Пожалуйста, вы можете от меня отойти?"

- Когда вы планируете выйти замуж?

- Конкретных планов на личную жизнь у меня нет. В будущем надеюсь выйти замуж. Должна выйти и, наверное, этого хочу, но пока об этом вообще не думаю. Как-то я писала в Instagram, что я никогда не стремилась замуж. Я хочу подойти к вопросу создания семьи сознательно и с умом. Пока что в моих планах нет семейной жизни. Там только учеба и саморазвитие.

О блогерстве

- Блогерство – тяжелая работа?

- В этой работе есть свои плюсы и минусы. Плюсов, конечно, больше: тебя знают люди, тебе открыты все дороги и тебя приглашают на интересные мероприятия, куда не все могут попасть. Из минусов могу назвать давление, ограничение себя в мыслях и действиях, постоянное ощущение на себе эмоций, которые ты вызываешь у людей.

Честно, я не могу сказать, что это круто или, наоборот, что это плохо. Как и в любой профессии, в этой бывает по-разному.

- Куда вы тратите деньги, заработанные в Instagram?

- Я обеспечиваю себя. Я не завишу от родителей с 14 лет. Кроме того, я коплю на одно приобретение, о котором узнают мои подписчики, когда это уже будет куплено.

- Вы стали часто выкладывать видео, что играете на гитаре и поете. Есть ли шанс, что когда-то мы увидим Айжан Асемову – певицу, или это все происходит на уровне хобби?

- Честно говоря, я не занималась вокалом, сейчас хожу только на курсы гитары и изучаю английский. Но это (то, что мы когда-то увидим Асемову-певицу. - Прим. Kaktus.media) вполне возможно.

- Как вы относитесь к хейтерам?

- На самом деле у меня такая классная аудитория в Instagram, что мои подписчики не пишут мне гадостей. В основном гадости пишут те, кто просто заходят единожды на мою страничку, наткнувшись на нее в актуальном.

Плохие комментарии я удаляю и блокирую, потому что не люблю их.

О внешности и самооценке

- Как бороться с плохой самооценкой и была ли плохая самооценка у вас?

- Она у всех есть. Я не считаю себя самой лучшей. Нет идеальных людей. Вот вы, допустим, видите меня в интернете и думаете, что я такая классная (сужу по комментариям). Но у меня есть много минусов. Я постоянно придираюсь из-за них к себе. Один из них, как вы могли заметить, – это мой нос. Но с этим бороться не надо. Каждый индивидуален. У кого-то глаза большие, у кого-то губы большие, у кого-то губы маленькие, но это не делает вас плохим человеком. Вы не станете другим человеком, поэтому примите себя. Если кто-то судит вас за внешность, знайте – это плохие люди.

О взглядах на жизнь

- Как вы относитесь к феминизму в Кыргызстане?

- Наверное, я до конца не понимаю, что такое феминизм в Кыргызстане, но я считаю, что женщина должна быть немного слабенькой. У нее должна быть опора, должно быть сильное плечо, за которое можно в какой-то момент схватиться. Феминизм – это не самый лучший выбор, но это еще зависит от того, в какой ситуации женщины оказались.

- Что вы думаете о Зере и ее клипе?

- Я не видела ее клип, я видела отрывки, и я ее ни в коем случае не осуждаю. Меня больше расстроило, что наш народ ополчился на нее за то, что она просто была в бюстгальтере. О, мой Бог! У нас убивают людей, почему на это никто не злится? Это странно. Выступать в любой одежде – это ее право и, если для нее так будет лучше, она может делать это.

Она не была голой, а значит, это приемлемо. В купальниках девочки выкладывают фотографии в Сеть, а в бюстгальтере, получается, нельзя? Это как-то не сходится.

- Как вы относитесь к ЛГБТ?

- Нормально. В моем окружении много представителей ЛГБТ, и когда начинаешь с ними общаться, понимаешь, что это не их выбор, в них это заложено природой. Они не отличаются от натуралов. У них такие же чувства, а у некоторых этого чувства даже намного сильнее. Это нормально, их за это судить нельзя и не надо.

О саморазвитии

- Если бы у вас была возможность разом обратиться ко всей молодежи Кыргызстана, каково было бы ваше обращение?

- Я бы посоветовала им ценить время, не упускать его, не тратить попусту и делать то, что развивает вас. Я это знаю из личного опыта, так как в школе я потеряла много времени впустую, и сейчас я об этом сильно жалею. Саморазвитие – самое главное, что должно быть

у вас в приоритете. Вы просто обязаны делать себя лучше каждый день и всегда оставаться собой.